

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

---

**Новые подходы  
к изучению  
всемирной истории  
(К 40-летию ИВИ РАН)**

**Материалы юбилейной  
международной  
научной конференции**



**Москва  
2011**

## **КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

Вторая половина XX – начало XXI века стали чрезвычайно непростым временем для исторической науки. Широкое распространение получил тезис о «кризисе исторического знания». Выдающийся ученый современности, историк и философ А.Я. Гуревич в своей статье, написанной в 1991 г., весьма ярко обрисовал и само это явление и его причины: «Утрата мировой цивилизацией ясной перспективы, крах идеологий, которые еще недавно давали ориентиры, угроза гибели человечества в огне ядерного апокалипсиса или вследствие экологической катастрофы вызвали растерянность многих историков. Две мировые войны, бесчеловечные тоталитарные режимы, опиравшиеся на покорность и энтузиазм масс, разгул национализма в крайних кровавых формах и кризис культуры, наконец, падение авторитета научного знания – все это способствовало подрыву общей веры в идею прогресса, которая придавала динамизм и оптимистический настрой исторической науке XIX в., нередко именуемого «столетием историков»<sup>1</sup>.

В России, которая в 1990-е гг. пережила крах идеологии, считавшейся единственно верной, была охвачена экономическими, политическими и социальными кризисами, кризис исторической науки принял особенно острый характер. У многих ученых он вызвал растерянность, страх и, даже, убеждение в скорой гибели исторической науки как таковой.

Однако жизнь в очередной раз подтвердила справедливость мысли одного из основателей школы Анналов Фернана Броделя, заметившего однажды, что кризис есть нормальное состояние научной мысли и наука, которая не ощущает кризиса, находится в состоянии стагнации<sup>2</sup>. Кризис науки на деле означал кризис методологии, старых подходов к историческому исследованию. Он означал, говоря словами А.Я. Гуревича, не «болезнь с летальным исходом», а «болезнь роста»<sup>3</sup>.

Закономерно, что к настоящему времени на смену кризису пришел новый подъем, знаменуемый новыми идеями, новыми подходами к осмыслинию истории и новыми концепциями. Один из примеров тому – идея понимания истории, как в первую очередь истории культуры.

Президент Российского общества интеллектуальной истории, заместитель директора Института всеобщей истории РАН Л.П. Репина в своей статье, опубликованной два года тому назад на страницах журнала «Новая и Новейшая история», отмечает: «В конце XX в. интердисциплинарная история совершает виток – «культурологический» поворот, в результате которого складывается социокультурный подход к изучению исторического прошлого с новой масштабной задачей – раскрыть культурный механизм социального взаимодействия»<sup>4</sup>.

Действительно, сегодня историческая наука все больше и больше принимает «культурологическое» измерение. Многие принципы этого измерения были заложены, думается, выдающимся ученым, историком древнерусской литературы и культурологом Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Более того, на наш взгляд, им было создана целостная историческая концепция, которая по праву может именоваться культуроцентристской.

Обращает на себя внимание, что идеи Д.С. Лихачева удивительно точно соответствовали самым актуальным запросам в развитии теории и методологии исторического познания. Вплетаясь в контекст развития науки, выводы ученого зачастую намечали перспективы научного поиска, ставшие затем магистральными.

Культура, в понимании Д.С. Лихачева не есть некая арифметическая сумма достижений в искусстве, науке и иных сферах деятельности. Еще в 1984 г., в статье «Культура как целостная среда» Д.С. Лихачев писал: «Культура – это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом,нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»<sup>5</sup>. Кстати, сходные выводы делал и А.Я. Гуревич, в первую очередь применительно к средневековой культуре<sup>6</sup>.

Именно в силу такого понимания культуры в своих литературоведческих работах Д.С. Лихачев стремился привлечь, обога-

тить анализ собственно литературных памятников анализом других отраслей культуры. «Литература и все виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в тесной связи между собой... Вот почему при построении истории литературы показания других искусств помогают отделить значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного... Сближения между искусствами и изучение их расхождений между собой позволяют вскрыть такие закономерности и факты, которые оставались бы для нас скрытыми, если бы мы изучали каждое искусство (и в том числе литературу) изолированно друг от друга»<sup>7</sup>. Формирование памятников культуры обусловливается множеством факторов. Поэтому для их понимания необходимо представлять среду, окружавшую их создателей во всем ее многообразии. Неслучайно Д. Лихачев неоднократно отмечал, что при изучении литературных произведений прошлого особую трудность для исследователя представляют те элементы, которые автору произведения казались само собой разумеющимися, а потому не требующими какого-либо пояснения.

Однако каждый памятник культуры испытал воздействие не только его непосредственного создателя. Еще в 1962 г. в своей широко известной работе «Текстология» Д.С. Лихачев писал: «На всем пути истории текста стоят люди с их интересами, взглядами, представлениями, вкусами, слабыми и сильными сторонами, навыками письма и чтения, особенностями памяти, общего развития, образования. Из этих людей наиболее важен для нас автор, но значение имеют и редактор, и заказчики, и переписчики, и читатели, также оказывающие влияние на судьбу текста, а за этими людьми стоят в свою очередь, люди и люди: все общество оказывает свое заметное влияние на судьбу памятника»<sup>8</sup>.

Любой памятник мысли, в том числе любое художественное произведение поэтому является «осколком прошлого», несет в себе разнообразную, многослойную информацию о мировосприятии, суждениях, в том числе ошибочных, людей той или иной исторической эпохи. Поэтому, как писал Д.С. Лихачев: «...Ни одно произведение прежних веков не может быть объявлено «плохим историческим источником». Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»<sup>9</sup>. Применительно к «Слову о полку Игореве» Д.С. Лихачев писал еще

более полемично: «Если «Слово» – «сплошное вранье», то и это, как ни парадоксально это звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: «вранье» – свидетельство психологии своего времени... (ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая)»<sup>10</sup>.

Как известно, сам Д.С. Лихачев «Слово о полку Игореве» враньем не считал и, напротив, вел принципиальную полемику с теми, кто приписывал этому литературному памятнику более позднее происхождение. Но, будучи отделенной от полемического контекста, данная фраза имеет самостоятельное и весьма глубокое содержание: в любом источнике, даже содержащем большую долю «вымысла», присутствует важное с точки зрения исторического исследования содержание, которое и может обнаружить и проанализировать исследователь (если он только является «хорошим источником»).

Сегодня подобное положение признается большинством историков. С 2004 г. в Москве даже выходит журнал «Историк и художник», который посвящен именно отражению истории в художественном творчестве (литературе, живописи, киноискусстве и др.). Однако при жизни Дмитрия Сергеевича его широкое понимание исторического источника нередко вызывало непонимание и возражения.

Подчеркивая многообразие факторов, влияющих на памятник культуры (в первую очередь на литературный текст), Д.С. Лихачев особое внимание уделял личности автора, его индивидуальным особенностям, биографии. В работе «Текстология» Д.С. Лихачев вполне определенно утверждает: «Нет текста вне его создателей, как нет литературы вне писателей»<sup>11</sup>. Далее он раскрывает этот тезис следующим образом: «Текстология имеет дело прежде всего с человеком, стоящим за текстом. И чем конкретнее окажется этот человек, чем больше у него будет индивидуальных особенностей, отложившихся в тексте, тем достовернее выводы текстолога. Поэтому текстолог обязан иметь научное воображение, должен быть чуток ко всему индивидуальному»<sup>12</sup>.

Именно через индивидуальность автора воздействуют на текст реалии исторической эпохи. «Эпоха помимо человека, – подчеркивает Д.С. Лихачев, – ничего создать не может, эпоха действует через человека и его намерения, при этом на одних она влияет по-одному, а на других – по-другому»<sup>13</sup>.

Данный «биографический» подход характерен для особого направления исторической науки, которое получило наименование «интеллектуальной истории». Интеллектуальная история не сводится только к истории идей. Поясняя различие между ними, Сергей Зенкин подчеркивает: «История идей становится таковой (интеллектуальной историей. – Авт.) лишь тогда, когда начинает изучать не только филиацию, но и адаптацию идей, их «перевод» на различные языки культуры – включая сюда, конечно, и перевод в буквальном смысле..., но и также переосмысление, переоформление согласно разным формам общественного сознания»<sup>14</sup>. Применительно же к биографическому исследованию интеллектуальная история предполагает, что речь идет не просто об изучении перипетий индивидуальной судьбы, но об исследовании движения индивида по его жизненному пути и, как пишет известная современная исследовательница, Л.П. Репина, «о его многообразных интеракциях в меняющемся социально-интеллектуальном пространстве»<sup>15</sup>.

Характерно, что одно из наиболее решительных суждений о важности изучения биографии автора для понимания выработанных им идей прозвучало в 1980-е годы из уст философа. Э.Ю. Соловьев писал на страницах журнала «Вопросы философии»: «История философии – это не только обобщающая картина многовекового развития человеческой мысли. Это еще история отдельных философских течений, школ, проблем. Это, наконец, и история самих выдающихся мыслителей, драматичных творческих судеб, скрытых за великими концепциями и идеями»<sup>16</sup>.

Очевидно, стремление Д.С. Лихачева к культурологическим и философским обобщениям привело его к аналогичным выводам, только применительно к древнерусской литературе. В его работах явно присутствует «синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа», который по оценке Л. Репиной является «характерной чертой современной интеллектуальной биографии»<sup>17</sup>. Именно поэтому Д.С. Лихачев настаивал на том, что «хороший текстолог – он и литературовед, и историк, и историк общественной мысли»<sup>18</sup>.

При этом Д.С. Лихачев неоднократно указывал, что для глубокого анализа развития культуры (в том числе – литературы) следует анализировать данные не только о выдающихся авторах («книжниках»), но и об окружающих его людях: заказчиках, пе-

реписчиках, читателях. Это опять-таки напоминает о распространенном в современной интеллектуальной истории повышенном внимании к персонажам «второго ряда», т.е. к тем, кто оставался в тени гениев, вне, говоря словами Л. Репиной, «известной номенклатуры великих исторических личностей, играющих главные роли и заполняющих собой пространство так называемой «”Большой истории”»<sup>19</sup>. Однако именно эти «второстепенные» персонажи формировали ту среду, в которой жил и трудился мыслитель, писатель, философ.

Именно в таком ключе формулировал свою исследовательскую задачу один из ведущих специалистов в интеллектуальной истории, американский исследователь Роберт Дарнтон, известный в России книгой о культуре Франции эпохи Просвещения<sup>20</sup>: «...Я подумал, – вспоминал он в одном из интервью, – почему бы не создать интеллектуальную историю неинтеллектуалов...или, если угодно, историю мировоззрений, историю ментальностей, которая сосредоточила бы свое внимание не столько на определяющей роли общественного устройства, сколько на том, как люди постигают смысл окружающей действительности»<sup>21</sup>.

Данные положения явно перекликаются с выводами Д.С. Лихачева, писавшего: «История текста памятника, воспринимается как история идей и вкусов конкретных людей, выступает перед нами в тесной связи с историей всего общества»<sup>22</sup>.

Однако, как доказывал Д.С. Лихачев, памятники культуры не только обусловлены средой, в которой они возникли, но и сами воздействуют на социум своего времени, во многом определяют его развитие. В своих работах, посвященных древнерусской литературе, ученый неоднократно подчеркивал, что литературные произведения являлись не только результатом, но и «соучастниками» исторического процесса. Так, возражая исследователям, которые писали о бесперспективности призыва автора «Слова о полку Игореве» к совместной борьбе против половцев, Лихачев отмечал: «Однако подлинный смысл призыва автора «Слова», может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче – объединить общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести... Задачей «Слова» было не только военное, но и идеическое сплочение русских людей»<sup>23</sup>.

Мысль о роли идей в истории, о том, что «идейное сплочение» даже в глубокой древности играло отнюдь не меньшую роль, чем военные или политические события, неоднократно высказывалась Д.С. Лихачевым и в дальнейшем. Анализ идей крайне важен, ибо даже в XII столетии, как пишет ученый, народ «жил не бездумно и не бездумно участвовал в политических событиях»<sup>24</sup>. Поведение людей во многом зависело от той картины мира, которая сложилась в их сознании, от идей, которые они разделяют. «Действие материальных факторов, – писал по этому поводу А.Я. Гуревич, – невозможно понять, если продолжать игнорировать весь этот мир эмоций и идей, культурных традиций, верований и стереотипов»<sup>25</sup>.

Стремление Д.С. Лихачева показать влияние на литературные памятники мировосприятия людей, их создавших (и окружавших создателей), а также, с другой, определить влияние памятников на сознание людей закономерно привело к стремлению придать изысканиям антропологически ориентированный характер. Еще в 1980-е годы он писал: «Человек, его личность – в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Одна из главных гуманитарных наук – историческая наука отошла от непосредственного изучения человека... В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке – истории человеческой личности»<sup>26</sup>.

Это новое направление действительно появилось. А.Я. Гуревич проанализировал в статье, написанной в 1991 г., основные тенденции и перспективы развития современной ему исторической науки: «На современном этапе «Новая историческая наука» мыслит себя, как антропологически ориентированная история, в центре внимания которой стоит человек во всех его жизненных проявлениях – от производственной деятельности до семейных отношений и от техники до религиозной и интеллектуальной жизни»<sup>27</sup>. Показательно, что Гуревич считал возможным именовать соответствующее научное направление не «исторической антропологией», а шире – «исторической культурантропологией».

Данный подход этот сам по себе носит полидисциплинарный характер. Историк М.А. Барг справедливо заметил, что «адекватное постижение исторического смысла одной из сторон человеческой деятельности требует знания всех остальных ее сторон»<sup>28</sup>. Разумеется, специализация отраслей исторической науки

– процесс закономерный, логичный. Но вместе с тем явно возникла необходимость в некоем полидисциплинарном синтезе. Перспективы такового чрезвычайно широко наметил культуролог М.С. Каган: «Поскольку человек в реальной полноте и целостности своего существования соединяет силы природы, общества и культуры, постольку его научное изучение требует органического сопряжения методов естественных, общественных и культурологических наук, рождающих новое системное методологическое целое: оно и является гуманитарным, обуславливая выделение особой – четвертой – группы наук в общем пространстве познавательной деятельности человека»<sup>29</sup>.

Именно подобным характером изначально обладает культурология. Об этом, в частности, убедительно говорил А.О. Чубарьян в мае 2007 г., на VII Международных Лихачевских научных чтениях. В его докладе «Развитие культурологии как средства диалога культур и цивилизаций» сказано: «Культурология, сформировавшись, сразу же приняла междисциплинарный характер; она вобрала массу различных дисциплин – от философии, истории до психологии, антропологии»<sup>30</sup>. Это вполне закономерно, ибо чрезвычайно обширным, разнообразным является объект изучения культурологии. «Культура, – отмечается в докладе, – это, наверное, наиболее синтетическое и интегративное явление в истории и в современном мире. Культура вбирает практически все, что достигнуто человечеством, что связано с наукой, техникой, вообще с интеллектом и с прошлым, настоящим, будущим – всем образом, стилем жизни»<sup>31</sup>.

Д.С. Лихачев на протяжении всей своей научной деятельности, прямо или косвенно, проводил мысль о том, что история отдельной страны и человечества в целом есть именно история культуры. Исследование культуры понималось им, как изучение того стержня, который определяет структуру общества и в значительной мере определяет ход истории. Для Дмитрия Сергеевича была абсолютно неприемлема логика, по которой до сих пор строятся некоторые вузовские и школьные учебники: вначале очень подробно излагаются экономические и политические процессы (или наоборот политические и экономические), а потом очень коротко, между прочим, – отдельные события из истории культуры или сухой перечень основных достижений в области науки и искусства.

Историческое развитие культуры, по мнению Д.С. Лихачева, имеет вполне определенную, гуманистическую направленность. Отбор лучшего в культуре, в отличие от биологического естественного отбора, протекает как неуклонное взращивание человечности, гуманизма. «Вся мировая история..., – писал Д.С. Лихачев, – представляет собой развитие и углубление начал гуманизма человечности»<sup>32</sup>. Размышляя в данном направлении, ученый предлагает в качестве главного двигателя истории свободную волю человека, творящего культуру. В 1998 г., выступая в Гуманитарном университете профсоюзов, Дмитрий Сергеевич говорил: «Я лично верю в случайность в истории, то есть верю в волю человека... От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что нас ждет в будущем?», не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами...»<sup>33</sup>.

При жизни ученого его взгляды в данной области казались многим коллегами идеалистическим (как в научном, так и в бытовом смысле слова). Однако сегодня заложенный ученым принцип понимания истории, как истории культуры, получает все большее распространение. Более того, культуроцентристская концепция истории оказалась востребована такой pragmatической наукой, как политология. Известный современный политолог А.С. Панарин, к примеру, полагает, что именно культурология является базой для политического прогнозирования: «...На современном этапе развития научного знания, – пишет он, – ведущим организатором прогностических усилий станет выступать не так называемая экспериментальная, или строгая наука, а культура»<sup>34</sup>.

Это утверждение носит, конечно, дискуссионный характер. Но без глубокого постижения культуры, ее истории едва ли возможен в современном мире международный, межцивилизационный диалог и связанное с установлением взаимопонимания политическое прогнозирование. Именно об этом шла речь на VIII Международных Лихачевских научных чтениях, прошедших в мае нынешнего года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов.

Об истории человечества, как истории культуры речь идет и во многих новейших научных исследованиях, проводимых Институтом всеобщей истории РАН. Большим вкладом в культурологическую концепцию истории стал, например, научные труды, дискуссии и конференции, подготовленные Центром интеллек-

туальной истории Института всеобщей истории РАН. С 1999 г. им издается интереснейший альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем», который позволил российским ученым и всем любителям истории познакомится с самыми новейшими подходами к изучению истории и с классикой интеллектуальной истории, ранее, к сожалению, плохо у нас известной. Не менее интересен альманах «Адам и Ева», посвященный гендерным аспектам истории, без которых, разумеется, не возможна антропологически ориентированная наука. Название генеральной программы центра – «Традиции и творцы европейской интеллектуальной культуры» – говорит само за себя. Обогащен культурологическими аспектами и выпускаемый Институтом сборник «Россия и Европа: дипломатия и культура», подготовленный в рамках проекта «Регионы мира: проблема диалога культур и цивилизаций».

Впрочем, культурологическое измерение истории находит отражение не только в собственно научных изысканиях центра, но и в подготовленных учебных пособиях. Особое место занимает подготовленное под общей редакцией А.О. Чубарьяна учебное издание «Религии мира: история, культура, вероучение». Эти и многие другие примеры, свидетельствуют, что культуроцентристская концепция истории сегодня действительно превратилась в одно из магистральных направлений исторической науки.

<sup>1</sup> Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3. С. 21.

<sup>2</sup> Braudel F. En guise de conclusion // Review (The Impact of the Annales School on the Social Sciences), 1978. Vol. 1. №3-4. P. 260.

<sup>3</sup> Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 21.

<sup>4</sup> Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже ХХ-ХХI веков // Новая и новейшая история. 2006. №1. С. 22.

<sup>5</sup> Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Издательство СПб ГУП, 2006. С. 349.

<sup>6</sup> Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство», 1984. С. 27.

<sup>7</sup> Лихачев Д.С. Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 24-25.

<sup>8</sup> Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. СПб.: Издательство Алтейя, 2001. С. 45-46.

<sup>9</sup> Лихачев Д.С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е издание. С. 180.

<sup>10</sup> Там же. С. 178-179.

- <sup>11</sup> Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. С. 62.
- <sup>12</sup> Там же.
- <sup>13</sup> Там же. С. 42.
- <sup>14</sup> Зенкин С. Русская теория и интеллектуальная история // Новое литературное обозрение. №61. 2003. С.333-334.
- <sup>15</sup> Репина Л.П. Биографический подход в интеллектуальной истории // «Философский век». Вып. 32: Бенджамин Франклин и Россия. Т. 2. СПб.: Центр истории идей, 2006. С. 102.
- <sup>16</sup> Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая. // Вопросы философии. 1981. №9. С. 138.
- <sup>17</sup> Репина Л.П. Биографический подход ... С. 106-107.
- <sup>18</sup> Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. С. 37.
- <sup>19</sup> Репина Л.П. Биографический подход С. 104.
- <sup>20</sup> Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- <sup>21</sup> Цитируется по: Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже ХХ-XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. №1. С. 17.
- <sup>22</sup> Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. С. 540.
- <sup>23</sup> Лихачев Д.С. Исторические и политические представления автора «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е издание, доп. Л., 1985. С. 44.
- <sup>24</sup> Там же. С. 180.
- <sup>25</sup> Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3. С. 34.
- <sup>26</sup> Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения их записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 259.
- <sup>27</sup> Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 35.
- <sup>28</sup> Цитируется по: Ольховский Е.Р. Диалог наук в системе исторического знания и образования // Клио. Журнал для ученых. №1 (10). СПб.: Издательство «Нестор», 2000. С. 17.
- <sup>29</sup> Каган М.С. Гуманитарные науки и гуманитаризация образования // Возрождение культуры России: гуманитарное знание и образование сегодня. Вып. 2. СПб., 1994. № 6. С. 47.
- <sup>30</sup> Чубарьян А.О. Развитие культурологии как средства диалога культур и цивилизаций // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире. VII Международные Лихачевские научные чтения. 24-25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 52.
- <sup>31</sup> Там же.
- <sup>32</sup> Лихачев Д.С. Прогрессивные линии развития в истории русской культуры // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 72.
- <sup>33</sup> Там же.
- <sup>34</sup> Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование: учебник для студентов вузов. М., 2000. С. 44.